

**ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Студеникиной Ксении Андреевны
на тему: «Признаковые характеристики сочиненных конструкций с общей
структурой»
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика**

На протяжении многих десятилетий в лингвистике идет дискуссия о том, что считать «сертифицированным» материалом, позволяющим делать надежные заключения об устройстве языковых процессов и правилах употребления языковых единиц. Если раньше лингвисты полагались на собственную интуицию и картотеки, составленные, главным образом, на основе художественных текстов, то с появлением корпусов, – в первую очередь НКРЯ (если говорить об исследованиях русского языка), – а тем более после пополнения корпуса материалом соцсетей и устной речи возникло представление (или, может быть, иллюзия), что теперь лингвисты, наконец, обладают достаточной информацией о функционировании языка. При этом выяснилось, что иногда необходимо привлекать и другие инструменты. Одним из убедительных подтверждений этого являются результаты работы К.А. Студеникиной, в которой сочетаются корпусные и экспериментальные методы. И хотя экспериментальная методика – это (пока еще) новое направление, сейчас уже можно с уверенностью говорить о появлении научной школы экспериментальной лингвистики, которая представлена работами Е.А. Лютиковой, ее учеников и соавторов (можно упомянуть ранее защищенные диссертации А.А. Герасимовой и Т.И. Давидюк). Диссертация К.А. Студеникиной демонстрирует успешную апробацию экспериментальных методов и их эффективность для анализа синтаксических конструкций и синтаксических процессов.

Первое, что хочется отметить, – это очень интересный и сложный материал. И в этом несомненная **новизна** работы и одно из ее достоинств.

Хотя сочинительным конструкциям посвящена большая литература и благодаря корпусу у нас есть большое количество материала, тем не менее К.А. Студеникиной удалось найти конструкции, которые недостаточно изучены либо не описаны на русском материале. Таким образом, сам выбор материала говорит об исследовательской интуиции и профессионализме, что особенно хочется подчеркнуть, поскольку речь идет об очень молодом исследователе.

Полное описание некоторого раздела грамматики предполагает учет всех значений параметров и их комбинаций. Между тем, хотя сочинительная конструкция широко представлена в текстах, но отдельные комбинации признаков конъюнктов в корпусе могут и не встретиться – либо встречаются очень редко. И здесь возникает дилемма: для одних лингвистов даже единичные примеры употребления какой-либо конструкции могут служить основанием далеко идущих выводов, для других малочисленность примеров является показателем неосвоенности данного явления в языке или даже свидетельством того, что авторы этих примеров, возможно, недостаточно владеют языковыми нормами. Этот теоретический спор в рамках корпусного подхода неразрешим. В эксперименте же участвуют носители языка разных возрастов, разного уровня образования, разных профессиональных компетенций, и тот массив данных, который можно получить в ходе эксперимента, по определению является репрезентативным.

К.А. Студеникина анализирует сочиненные конструкции с общей структурой в самых проблемных областях их функционирования.

Во-первых, она рассматривает проблему идентичности падежа при сочинении сказуемых с общим объектом (глава 4), т.е. проверяет распространенный в теории тезис о том, что падежи управляемых существительных в сочиненных конъюнктах должны совпадать (ср.: *заказал и попробовал новое блюдо*), иначе результат будет неграмматичным (ср.: *обрадовался и попробовал новое блюдо*). Отсюда как будто бы следует, что в конъюнктах должны фигурировать глаголы с одинаковым управлением. Но некоторые падежные формы совпадают не грамматически, а формально – как,

например, партитив (*налил чаю*) и датив (*обрадовался чаю*). К.А. Студеникина берет интересный случай, который никогда раньше не описывался – формально совпадающие генитив и датив у отдельных классов существительных (*требовали* чего? – *речи* [Gen.] vs. *внимали* чему? – *речи* [Dat.]; *верили и ждали речи*, с. 120). Выяснилось, что в корпусе конструкции с «сочинением дативного и генитивного глагола» (с. 118) не встретились и на сегодняшний день могут изучаться только в рамках эксперимента.

Экспериментальные данные показали, что требование идентичности падежа в целом действует; при этом, однако, сочинительные конструкции глаголов с разным управлением оказались более приемлемыми, чем неграмматичные филлеры (с. 130). Собственно, то, что запрет на сочинение глаголов с разным управлением не абсолютный, подтверждают и собранные К.А. Студеникиной данные из корпуса, в котором встречаются конструкции не только с омонимичными, но и с формально не совпадающими падежами управляемых существительных, ср.: (4.17) *Я уже понимал ____Acc и радовался ____Dat **связи**Dat моей с землей* [К. С. Петров-Водкин] – аккумулятив и датив – и даже: (4.19) *Я замолкал, внутренне восторгался ____Instr и завидовал ____Dat **праву**Dat гения...* – инструменталис и датив (с. 118).

В главе 5 (раздел 1 – о признаках существительного в именных группах с сочиненными модификаторами) получен еще один важный содержательный результат: предложения, где сочиняются именная группа без числительного и количественная группа с большим числительным (ср.: (5.18.j) *Олег составил **финансовые и шесть хозяйственных договоров** для своих клиентов* [с. 144]), «получают самые низкие оценки и демонстрируют задержки при чтении существительного», что, по мнению автора, «указывает на их неприемлемость в русском языке» (с. 150). (В скобках замечу, что мне такие фразы кажутся не гладкими, но приемлемыми), – но дело не в частных оценках. Важна найденная закономерность: существительные в таких конъюнктах совпадают по числу, но различаются по падежу (*составил договоры – шесть договоров*). И именно падеж оказывается решающим для оценки приемлемости конструкции.

Наконец, еще одним чрезвычайно интересным (можно утверждать – уникальным) исследованием и научным достижением автора является анализ конструкций с супплетивными формами множественного числа существительных (раздел 2 главы 5). Такие конструкции исследовались для болгарского языка, но никогда не исследовались для русского. И работа К.А. Студеникиной восполняет этот пробел и содержит новые данные: для существительных с супплетивными формами числа при сочинении оказывается приемлемым только единственное число: (6.9.a) *Усидчивый и подвижный ребенок сыграли в шахматы*, но не (6.9.b) **Усидчивый и подвижный дети сыграли в шахматы* (с. 189). Эти результаты сами по себе представляют интерес и ценность. Но К.А. Студеникина использует их также для теоретического обоснования выводов о характере синтаксических процессов в сочиненных конструкциях.

Таким образом, налицо несомненные достижения автора, проделавшего большую работу по анализу корпусного и экспериментального материала.

Что касается недостатков, то явных недостатков, которые бы снижали качество работы, я не обнаружила, но по ходу чтения у меня возникли некоторые вопросы и частные соображения (скорее даже – пожелания на будущее).

1. Представляется, что приемлемость сочинительной конструкции зависит не только от соблюдения формальных требований. Действительно, с формальной точки зрения идеально, чтобы падежи в сочиненных конъюнктах совпадали. Однако в сфере сочинения действуют также семантические ограничения, хотя их, разумеется, нельзя сформулировать с такой же степенью строгости, как синтаксические. И результат сочинения может выглядеть неприемлемым, даже если синтаксические ограничения не нарушены. Например, предложение: *Он купил яблоки, груши, абрикосы, виноград и костюм в клетку* – звучит странно (если только это не намеренная языковая игра), хотя в нем ничего не нарушено ни синтаксически, ни, может быть, и фактически (если человек действительно все это купил). Общее соображение состоит в том,

что сочиняемые элементы должны быть сопоставимыми в семантическом отношении и принадлежать к некоторому общему множеству – тематическому классу: *купил яблоки и груши*; антонимической парадигме: *не сохранил, а выбросил печенье*, – или более сложным конструкциям, где предикаты репрезентируют, например, разные уровни внутренней информационной системы человека: 2.4.d. [_{CP} Мама увидела, куда ____, [& а [_{CP} папа понял, зачем ____ [_{TP} **ребёнок убежал**]]]] (с. 41).

А предложение вида (3.10) *Он не соседу подлил _____{Part}, а наоборот порадовался _____{Dat} чаю со сгущенным молоком* (с. 87) (это пример из работы [Asarina 2011: 235–236], где он считается, как можно понять, приемлемым) – едва ли можно было бы считать приемлемым, даже если бы в конъюнктах были идентичные падежи, т.к. *не подлил, а порадовался* не образуют естественного противопоставления (как было бы, например, в случае: *не порадовался, а огорчился*). И наоборот, при наличии семантической связи сглаживается нарушение правила идентичности падежей, как в реальном примере из корпуса: (4.19) *Я замолкал, внутренне восторгался _____{Instr} и завидовал _____{Dat} **праву**_{Dat} гения на такое величественное безучастие к славе* [К. С. Станиславский] (с. 118), где совмещаются инструменталис (*восторгался правом*) и датив (*завидовал праву*), – поскольку глаголы с разным управлением принадлежат одному и тому же классу эмоциональных предикатов.

2. Второй вопрос касается того, как формировались предложения-филлеры – это были произвольные предложения с нарушениями в произвольных параметрах или они как-то соотносились с исходным материалом? Почему, например, фигурируют именно примеры с возвратным глаголом (4.24.a) *Тренер назначился пробежку* [с. 62]) или с заменой 3 лица на 1-е (4.24.b) *В программе совмещаемся теория и практика* [с. 63])? И – в теоретическом плане – существуют ли какие-л. критерии формирования таких филлерных предложений? Хотелось бы получить более развернутый комментарий.

3. Автор рассматривал конструкции типа *старое и новые стихотворения*, т.е. согласование со 2-ым (ближайшим) конъюнктом (с. 135–138), но для полноты картины можно было бы учесть и другую комбинацию параметров: *старые и новое стихотворения*. В корпусе такие конструкции представлены: *владеет несколькими европейскими и китайским языками; любительские и профессиональный телескопы*.

Подводя итоги, можно заключить, что К.А. Студеникина продемонстрировала эрудицию, широкий научный кругозор, блестящее владение современным концептуальным аппаратом и высокий профессионализм в решении сложных научных задач.

Новизна представленного исследования очевидна: автор впервые описал сочинительные конструкции с синкретичными падежами (дательным и родительным), с сочиненными модификаторами, с существительными с супплетивными числовыми формами – и убедительно показал эффективность применения к этому материалу новой экспериментальной методики.

Полученные результаты позволяют уточнить теоретические представления об ограничениях в сочинительных конструкциях и о механизмах их формирования, чем определяется их **теоретическая значимость** как для грамматики русского языка, так и в типологическом аспекте.

Перспективы **практического применения** этих результатов и разработанных методик в самых разных областях исследования грамматики не вызывают сомнений, как и дальнейшие успехи и научные достижения автора диссертации.

Публикации К.А. Студеникиной в престижных научных изданиях свидетельствуют о признании ее результатов научным сообществом.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5

Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Студеникина Ксения Андреевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

ФГБУН Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук

КУСТОВА Галина Ивановна

26 февраля 2026 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.19 – Теория языка

Адрес места работы:

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2,

ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук», отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

Тел.: 7 (495) 695-26-60; e-mail: ruslang@ruslang.ru